

— Да, да, предал. Хотя Том не напал сразу. У вас с родителями было три месяца, чтобы стать семьей и наконец почувствовать себя в безопасности. Они, конечно, осуществили свою мечту — обзавелись домом. Гарри нахмурился от замешательства. — Но... почему Том так долго ждал, чтобы напасть? Альбус пожал плечами. — Я точно не знаю. Полагаю, ему нравился символизм Хэллоуина, ведь он любил знаменательные числа и даты. С другой стороны, он был настолько мелочен, что мог подумать, что тебе будет забавно разделить один и тот же День Смерти с призраком дома Гриффиндор. Скорее всего, мы никогда не узнаем истинной причины задержки, но можем быть благодарны за то, что у тебя было дополнительное время с родителями. — Полагаю, это не имеет особого значения. Так как же я оказался у Дурслей? — Всё сводится к ночи нападения. Я был в своем кабинете, когда вдруг почувствовал прилив магии. Хотел бы я сказать, что сразу понял, что это значит, но прошло больше часа, прежде чем я осознал, что это ощущение похоже на то, что я чувствовал, когда активировались чары Фиделиуса. Я поспешил в хижину Хагрида, так как ему не был раскрыт секрет, и спросил его, где живет ваша семья. К моему ужасу, он смог мне ответить. В тот момент я был уверен, что все трое из вас погибли, и знал, что должен спешить к Лонгботтомам, чтобы защитить их от нападения. — Почему вы решили, что мы все мертвы? — Секрет заключался в том, где живут Поттеры, и, согласно тому, что мы поняли о заклинании, оно могло разрушиться только в том случае, если секрет перестал быть правдой. Для меня это значило, что Поттеры больше не живут. Я благодарен за то, что заклинание не было слишком конкретным в отношении использования существительного во множественном числе, поскольку это позволило одному Поттеру продолжать жить. Я также признателен, что Хагрид — вечный оптимист, который настоял на том, чтобы я послал его помочь вам. Я дал ему портключ, а затем направился к Лонгботтомам, чтобы защитить их от нападения, которое, к счастью, так и не произошло. Гарри почувствовал прилив теплоты к той нежной душе, которая стала его первым другом в волшебном мире, а затем его глаза широко распахнулись. — Хагрид! Он всё еще в Азкабана! Альбус добродушно улыбнулся. — Не бойся, Гарри, я обеспечил ему свободу прошлой ночью, пока целители лечили тебя. Гарри с облегчением улыбнулся и расслабился на диване, но вскоре снова нахмурил брови. — Значит, Хагрид привел меня к Дурслям? — Не сразу. Сначала он доставил тебя в убежище. Он позвал Поппи, чтобы она позаботилась о тебе, а та, в свою очередь, связалась со мной. Хагрид отправился в "Промокательный котел", чтобы горевать. Я прибыл и был рад, что на тебе отразилось лишь твое шрам. Поппи осмотрела его и поняла, что это не в ее силах. Я тоже взглянул на него и увидел скрытую темную магию, хотя в тот момент не знал, что это такое. Я собрал нескольких своих друзей, хорошо разбирающихся в снятии проклятий и темных искусствах. После консультаций они согласились на забвение, и мы пришли к выводу, что это уникальное проклятие, а также крайне опасно пытаться лечить его, не зная, что это такое. Так что твой шрам остался. — А Дурсли? — Почти всё, Гарри, прошу прощения за задержку. В ту ночь я отправился в Министерство, одновременно разослав сообщения о встрече с Сириусом и Питером. Поскольку ни один из них не ответил, я на первом этапе опасался, что их схватили и убили, причем Сириуса пытали первым, чтобы он раскрыл тайну. Мысль о том, что он добровольно предал вашу семью, не приходила мне в голову. Общаясь с различными аврами и сотрудниками Министерства, я начал подслушивать слухи о Гарри Поттере, Мальчике, который выжил. Глаза Гарри расширились от удивления. — Как они вообще узнали... Вы сказали, что Хагрид ходил в "Промокательный котел". Хагрид — вот почему меня называют Мальчиком, который выжил, не так ли? Альбус ухмыльнулся. — В это время, пожалуйста, вспомни о теплых чувствах, которые ты только что испытывал к этому бедняге. Гарри хихикнул. — Знаешь, из-за него я неоднократно чуть не погиб, и теперь я знаю, что именно из-за него у меня такое ужасное прозвище. И всё равно... я просто не могу найти в себе силы злиться на него. Альбус улыбнулся. — Это одна из его самых раздражающих и очаровательных черт. Я никогда не знал никого, кто бы испытывал ненависть к Хагриду. Даже те, кто с радостью уволили бы его, с трудом удерживаются от раздражения. Гарри рассмеялся. — Может, он втайне Темный Лорд, который всё это время дергал за ниточки? — Если это так,

то он, безусловно, заслужил свою победу. Гарри улыбнулся при мысли о том, как Хагрид отправляет своих приспешников выполнять свои тёмные поручения, например, чистить единорогов и купать пикси. Через минуту его мысли вновь вернулись к обсуждаемой теме, а улыбка померкла. — Итак, до вас начали доходить слухи... Улыбка Альбуса тоже исчезла. — Да. Вместе с слухами я начал слышать, как люди рассуждают о том, что будет с тобой. В первую очередь, кто за тобой будет заботиться. Все считали, что такой человек, как ты, должен жить в роскоши среди чистокровной семьи. Первым кандидатом был... Лицо Гарри побледнело, так как в голове всплыла одна фамилия. — Не... не Малфои!? — Да. И без упоминания указанного в завещании лица или близкого родственника я не смог бы законно этому воспрепятствовать. — Но... но... я даже не родственник Малфою! — Ну, в той или иной степени ты родственник почти каждому человеку в нашем сообществе. Думаю, ближайший родственник — троюродный брат, и никто не может называться Поттером столь близко, как ты. Но связи есть, и ими могут манипулировать те, кто обладает достаточным богатством и политической властью. Учитывая, что после падения Тома многие Пожиратели Смерти купили себе свободу, как ты думаешь, у какой стороны было больше политической власти? — Значит, без Сириуса и Питера либо Дурсли, либо Тёмный волшебник могли убить меня или принести в жертву своему Тёмному Лорду? — Это то, что мне позволяет закон. Технически, Министерство вряд ли одобрило бы опеку над твоей тётей, поскольку она не ведьма. Поэтому я и не спрашивала разрешения. Как только тебя отдали ей, у них не осталось законных оснований лишать тебя ее опеки. В то время я все еще надеялась, что Сириус или Питер сами придут и позаботятся о тебе. К сожалению, Сириус убил Питера, а потом оказался предателем, и ты остался у Дурслей. Гарри сидел в молчаливом раздумье. — Почему вы всё время уточняете, что говорите о законе? — У тебя был какой-то незаконный выбор? Альбус гордо усмехнулся. — Очень хорошо, Гарри, мне было интересно, поймешь ли ты это. Да, у меня всегда был запасной вариант. Я был готов похитить тебя, пуститься в бег и лично вырастить тебя. Гарри с недоверием посмотрел на мужчину, и в его груди зародилось чувство гнева. — Тогда почему, во имя всего хорошего, ты оставил меня с проклятыми Дурслями? Альбус, с глубоким вздохом, опустил на диван. — Я хотел дать тебе максимальный шанс на счастливое детство. — Ну... тебе это не удалось! — Возможно. Судя по отчетам, быстро стало ясно, что ты не найдешь друга в своем кузене. Затем стало очевидно, что и в школе тебе не будет легче. Но я все еще надеялся, что в Хогвартсе, вдали от Дурслей, у тебя появятся друзья. Если бы не эта надежда, я бы давно забрал тебя. Я десятки раз стоял перед твоей дверью, пытаюсь убедить себя, что похитить тебя было правильным решением. Если бы они были немного хуже, если бы хотя бы раз применили физическое насилие вместо постоянных издевательств, которые устраивал тебе кузен, если бы я был уверен, что в Хогвартсе ты не найдешь друзей, я бы осуществил это желание. И все же я понимал, что убежать со мной означало бы отказаться от мечты твоих родителей — чтобы ты обрел близких друзей и был счастлив в Хогвартсе. Скажи мне, Гарри, до того момента, как выяснилось, что ты Парселмут, ты бы предпочел быть похищенным мной, чем учиться в Хогвартсе? Гарри посмотрел на Альбуса. Тот выглядел искренне огорченным своим выбором, и Гарри сдержал порыв, задумавшись над ответом. Он заставил себя вспомнить, как ему было больно от мыслей о том, что его лучшие друзья думают, что он может стать Тёмным волшебником. Он вспомнил все радостные моменты, проведенные с ними, и ту счастье, которое испытывал от того, что у него наконец появились друзья. Затем в его памяти всплыли мучительные годы с Дурслями. Перевешивало ли хорошее плохое? А если бы его друзья остались верны себе, компенсировало ли бы хорошее итоговое плохое? Гарри заглянул в печальные глаза Альбуса. — Я... не знаю. Альбус медленно покачал головой. — Я тоже не знаю, Гарри. Я тоже не знаю. Они сидели, молча составляя друг другу компанию в течение нескольких минут, прежде чем Гарри прочистил горло и с принужденным весельем произнес: — Итак, что мы планируем делать с Дурслями? Альбус усмехнулся. Мистер и миссис Дурсли из дома номер 4 по Прайвет-драйв были совершенно нормальными, спасибо вам большое! В них и их доме не было ничего выдающегося или слишком интересного. Конечно, их клумбы пять лет

подряд побеждали на районном конкурсе, но это всё равно не делало их жизнь чем-то необычным и впечатляющим. У мистера Дурслея была вполне респектабельная работа в Грюнингсе в качестве управляющего, что тоже не было чем-то из ряда вон выходящим. У них также был совершенно нормальный сын Дадли, который учился в Академии Смелтингс. Он был замечательным и очень крепким мальчиком (несмотря на необоснованные тревоги школьной медсестры о его нездоровом избыточном весе), и у него была отличная компания респектабельных друзей по соседству (несмотря на слухи, которые иногда распространялись о том, что он ведет их за собой, как забияка). Он был гордостью и радостью своих родителей и скоро должен был вернуться на лето. Единственным аспектом их жизни, который нарушал эту идеальную нормальность, был крайне ненормальный племянник Петунии, Гарри Поттер. Несмотря на все усилия, им не удалось воспитать его нормальным. Хотя они знали, что через две недели им нужно будет забрать ненормального мальчика из школы, где его учили быть еще более ненормальным, они предпочли игнорировать его существование и просто наслаждаться приятным воскресным днем. Вернон сидел и читал газету, а Петуния просматривала книгу рецептов, решая, какие особенные блюда приготовить для своего любимого Даддикинса, когда он придет домой на следующей неделе. Милую тишину разорвал звонок в дверь и стук в нее. — Грубые продавцы, — ворчал Вернон. — Не вставай, Пет, я их прогоню. Может быть, отчитаю их за то, что они прервали вечер честного человека. Петуния благодарно улыбнулась, когда Вернон встал и вышел из гостиной в прихожую. Ей всегда нравилось слушать, как ее муж ставит людей на место. К сожалению, в этот вечер ее ждало разочарование: она услышала, как Вернон открыл дверь и заговорил резким голосом. — Послушайте, мы не заинтересованы в покупке... мальчика! Что ты здесь делаешь? И ты! Кто вы!?! Ответил пожилой голос: — А, Вернон, замечательно наконец-то встретиться с вами лично. Слова Гарри едва ли могут описать вас. Мы можем войти? — Конечно же, нет! Послышался скрип дверных петель. — Что, черт возьми, вы делаете? Ты не можешь просто так использовать свою... аномалию в моем доме. А теперь выходите, прекратите держать мою дверь открытой, и позвольте мне захлопнуть ваши уродливые лица! — О, Вернон, Гарри никогда не упоминал, какой ты шутник. Очень смешной. А, привет, Петуния! Петуния в шоке смотрела, как ее ненавистный племянник и мужчина, которого она узнала по фотографиям Лили, Альбус Дамблдор, вошли в гостиную. За ними следовал Вернон, его лицо побагровело от гнева. — Петуния, ты выглядишь как всегда прекрасно. Вернон, пожалуйста, присядь, нам нужно многое обсудить. Вернон уставился на палочку в руке Дамблдора и тяжело сел на диван рядом с Петунией. Дамблдор взмахнул палочкой, и в комнате внезапно появился новый диван, на который сели они с Поттером. Затем Дамблдор вызвал появление чайного сервиза на столике перед диванами. Он налил чашку для Поттера, а затем и для себя. Сделав глоток, Дамблдор жестом руки предложил чай Дурслям. Они, не удивительно, проигнорировали предложенный чай. Дамблдор снова сделал глоток и заговорил. — Надеюсь, вы простите мне это вторжение, но в Хогвартсе произошло событие, которое требует вашего немедленного внимания. Я не буду утомлять вас подробностями, достаточно сказать, что в течение учебного года произошла серия печальных событий. Кульминацией этих событий стало исключение юного Гарри из Хогвартса, поэтому он прибыл раньше, чем ожидалось.